

Таблица 3

**Динамика совершения политических убийств
в соотношении с констатацией следствием
события преступления**

Год	Абс.	Доля (%)	Вид политического убийства			
			Явное		Скрытое	
1991	1	2,0	1	2,0	–	–
1992	–	–	–	–	–	–
1993	1	2,0	1	2,0	–	–
1994	1	2,0	1	2,0	–	–
1995	5	10,0	5	10,0	–	–
1996	3	6,0	1	2,0	2	4,0
1997	1	2,0	1	2,0	–	–
1998	5	10,0	5	10,0	–	–
1999	1	2,0	1	2,0	–	–
2000	1	2,0	–	–	1	2,0
2001	1	2,0	–	–	1	2,0
2002	4	8,0	2	4,0	2	4,0

2003	3	6,0	1	2,0	2	4,0
2004	5	10,0	5	10,0	–	–
2005	3	6,0	2	4,0	1	2,0
2006	7	14,0	7	14,0	–	–
2007	8	16,0	6	12,0	2	4,0
Итого	50	100,0	39	78,0	11	22,0

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учеб. СПб., 2006. С. 154.

² См.: Долгова А. И. Криминология. М., 1999. С. 85–86.

³ См.: Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. Criminology: Explaining crime and its context. Ohio, 1991. P. 667.

⁴ См.: Гилинский Я. И. Criminology Today. Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2001. № 1(11). С. 29.

⁵ См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М., 1999. С. 37.

⁶ См.: <http://www.rosbalt.nord.ru/print/422333.html>

⁷ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. С. 3–4.

⁸ См.: Там же. С. 11.

⁹ См.: Там же. С. 10.

¹⁰ См.: Там же. С. 13.

Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе

А. М. ПОТАПОВ — преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Существующая система правоотношений находится в постоянной динамике, отражая процесс развития общества. Уголовно-исполнительные правоотношения, являясь элементом данной системы, подчинены тенденциям совершенствования уголовно-исполнительного права и законодательства, а также правоприменительной практики. В качестве одного из основных факторов, влияющих на развитие указанных правоотношений, выступает реализуемая государством политика в сфере исполнения уголовных наказаний. Именно последняя предопределила процесс формирования уголовно-исполнительного права как самостоятельной отрасли права и, как следствие, самостоятельность уголовно-исполнительных правоотношений.

Смещение акцента на самостоятельность уголовно-исполнительных правоотношений является ключевым в рассматриваемой нами проблеме. Собственно, только данный признак отграничивает существующие правоотношения друг от друга, что позволяет определить перспективы их развития в будущем.

Вопрос о сущности и содержании уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) правоотношений всегда был дискуссионным и, как правило, выступал следствием признания самостоятельности уголовно-исполнительного права.

Так, некоторые ученые (А. А. Герцензон, А. А. Пинотковский) утверждали, что исправительно-трудовое право является подотраслью уголовного права, поскольку при назначении и исполнении наказания преследуются одни и те же цели, а правовая основа исполнения наказания развивает, конкретизирует само наказание¹.

Другие ученые (С. С. Алексеев, О. Э. Лейст) считали, что эта отрасль права, частично обеспечивая реализацию уголовно-правовых правоотношений и определяя таким образом процедуру исполнения наказания, являет собой продолжение уголовно-процессуальной отрасли права².

Тем не менее по мере своего развития исправительно-трудовое право стало считаться самостоятельной отраслью права. Этому мнению придерживались ведущие ученые-пенитенциаристы, стоявшие у истоков формирования данной отрасли: Н. А. Стручков, А. Е. Наташев, М. П. Мелентьев, В. П. Артамонов, Ю. М. Ткачевский, А. С. Михлин, А. И. Зубков и др.

В настоящее время, когда на смену исправительно-трудовому пришло уголовно-исполнительное право и в целом определился его предмет — общественные отношения, складывающиеся при исполнении всех уголовных наказаний, утверждение о том, что уголов-

но-исполнительное право и, как следствие, уголовно-исполнительные правоотношения не являются самостоятельными, потеряло свою актуальность³.

Однако представление о том, что уголовно-исполнительные правоотношения охватывают своим предметом исключительно процесс исполнения уголовных наказаний, назначенных приговором суда исходя из оценки действующего уголовно-исполнительного законодательства, представляется не вполне состоятельным. В частности, это касается правовых институтов, основа которых закреплена в уголовно-исполнительном законодательстве, а часть содержания отражена в иных нормативных правовых актах, то есть налицо их комплексный характер.

Вопрос о данном свойстве уголовно-исполнительного права вообще и уголовно-исполнительных правоотношений в частности уже поднимался в юридической литературе⁴. Так, отдельные авторы признавали исправительно-трудовое право комплексной отраслью в силу того, что оно включало в себя нормы многих отраслей права и соответственно распространяло указанное свойство отрасли и на образующиеся правоотношения⁵.

Проанализируем сложившуюся ситуацию с точки зрения основных признаков, присущих уголовно-исполнительным (исправительно-трудовым) правоотношениям⁶.

Во-первых, они являются частью существующих в данном обществе отношений между людьми.

Во-вторых, они служат средством перевода норм уголовно-исполнительного права в плоскость индивидуализированных связей субъективных прав и юридических обязанностей.

В-третьих, они урегулированы нормами уголовно-исполнительного законодательства.

В-четвертых, отношения между субъектами осуществляются через их юридические права и обязанности на основе норм уголовно-исполнительного права.

В-пятых, уголовно-исполнительные правоотношения характеризуются наличием специальных субъектов этих правоотношений — учреждений и органов, исполняющих наказания, и лиц, осужденных к уголовным наказаниям.

В-шестых, они поддерживаются принудительной силой государства.

Так выглядят основные признаки уголовно-исполнительных правоотношений. В нашем случае два из них, касающиеся регулирования данных правоотношений исключительно нормами уголовно-исполнительного закона и определения круга специальных субъектов, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях, свидетельствуют об изменении их характера.

Например, отдельные положения уголовно-исполнительного законодательства касаются правового положения лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также лиц, отбывших уголовное наказание, что позволяет рассматривать последних в качестве субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Кроме того, правовой

статус указанных категорий регулируется не только уголовно-исполнительным законодательством, что свидетельствует об их комплексном характере. Речь, в частности, идет об особенностях правового регулирования такой меры пресечения, как заключение под стражу, а также о постпенитенциарной ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, и осуществлении социального контроля за ними.

Таким образом, рассуждения о расширении уголовно-исполнительных правоотношений и признании их комплексного характера вполне состоятельны. В то же время они вступают в определенное противоречие с положениями доктрины уголовно-исполнительного права.

На наш взгляд, возможны два варианта решения указанной проблемы.

Во-первых, это признание на доктринальном уровне комплексного характера уголовно-исполнительных правоотношений. Исходя из тенденций развития уголовно-исполнительного законодательства можно предполагать, что государство идет именно по данному пути.

Во-вторых, вполне допустимым считаем выделение отдельных групп правоотношений с самостоятельным объектом и содержанием. В частности, если говорить об уже упоминавшихся лицах, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, то, по мнению отдельных авторов, можно вести речь о существовании самостоятельной отрасли (подотрасли) «стражного права» и соответственно «стражных» правоотношений⁷, а в связи с лицами, отбывшими уголовное наказание, допустимо употреблять термин «постпенитенциарные правоотношения».

Кроме того, в случае закрепления правового положения лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, на уровне самостоятельного нормативного акта⁸ можно говорить о существовании самостоятельной отрасли (подотрасли) права с аналогичным названием.

Безусловно, возможны и другие способы решения указанной проблемы. Тем не менее обозначенные направления, как и иные варианты развития уголовно-исполнительных правоотношений, бесспорно, имеют право на существование. Основопологающим фактором при их реализации должен стать процесс взаимозависимости уголовно-исполнительной политики и доктрины уголовно-исполнительного права.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. М.—Рязань, 2006. Т. 1. Общая часть. С. 281.

² См.: Там же. С. 282.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006. С. 66.

⁵ См.: Пинчук В. И. Исправительно-трудовые правоотношения. М., 1968. С. 18.

⁶ См.: Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 149–150.

⁷ См.: Андреев В. Н. Правовое положение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. М., 2000. С. 160.

⁸ Полагаем, что таким нормативным актом мог бы стать федеральный закон «О правовом положении лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы».